

УДК 322

DOI 10.14258/nreur(2025)4–12

*П. К. Дашковский**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд (Узбекистан)**В. Н. Ильин**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул (Россия)*

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ И КЛАССИФИКАЦИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX В. В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена изучению двух основных вопросов истории старообрядчества на территории Томской губернии — его численного состава и классификации по согласиям и толкам в последней четверти XIX — начале XX в. Источниковой базой работы послужили материалы Государственного архива Алтайского края (Барнаул) и Государственного архива Томской области (Томск), а также некоторые опубликованные источники. В ходе исследования были проанализированы различные статистические данные и выявлены причины их расхождения. Кроме того, изучена география расселения староверов в пределах Томской губернии. Процесс расселения староверов являлся следствием государственно-конфессиональной политики, проводившейся на территории Томской губернии и Российской империи в целом. Установлены причины несоответствия реального числа староверов и данных официальной статистики. Авторами дана характеристика основных согласий и толков староверов. Сделан важный вывод, что в своем содержании старообрядчество Томской губернии принципиально не отличалось от старообрядчества Центральной России, согласия и толки здесь были те же самые. Это явилось следствием активного принудительного и добровольного переселенческого процесса староверов на территорию Западной Сибири, в том числе и Томской губернии. В количественном смысле в данной губернии в последней четверти XIX — начале XX в. преобладали представители стариковщины, поморского согласия и поповщины.

Ключевые слова: старообрядчество, староверы, Томская губерния, государственно-конфессиональная политика, стариковщина, безпоповцы, поповцы, согласия.

Для цитирования

Дашковский П. К., Ильин В. Н. Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 240–258 DOI 10.14258/nreur(2025)4–12.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры всемирной истории, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд (Узбекистан). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fnp.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Ильин Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Барнаул (Россия); доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** vse-ilin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0685-5745>

P. K. Dashkovskiy

Altay state university, Barnaul (Russia); Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan)

V. N. Ilyin

Altay state university, Barnaul (Russia); Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul (Russia)

**NUMERICAL STRUCTURE AND CLASSIFICATION
OF THE OLD BELIEVERS OF THE TOMSK PROVINCE
IN THE LAST QUARTER OF THE 19th — BEGINNING
OF THE 20th CENTURIES IN THE CONTEXT
OF THE STATE-CONFESSIONAL POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE**

The article is devoted to the study of two main issues in the history of the Old Believers in the Tomsk province — its numerical composition and classification by agreements and sects in the last quarter of the 19th — early 20th centuries. The source base of the work is the materials of the State Archives of the Altai Territory (Barnaul) and the State Archives of the Tomsk Region (Tomsk), as well as some published sources. In the course of the study, various statistical data were analyzed and the reasons for their discrepancies were identified. In addition, the geography of the settlement of Old Believers within the Tomsk province was studied. The process of resettlement of the Old Believers was a consequence of the state-confessional policy pursued in the Tomsk province and the Russian Empire as a whole. The reasons for the discrepancy between the actual number of Old Believers and the official statistics are established. The author provides a description of the main agreements and sects of the Old Believers. An important conclusion is made that in its content, the Old Believers of the Tomsk province did not differ fundamentally; the agreements and sects here were the same as in Central Russia. This was a consequence of the active forced and voluntary migration process of Old Believers to the territory of Western Siberia, including Tomsk province. In quantitative terms, in the Tomsk province in the last quarter of the 19th — early 20th centuries, representatives of the Starikovshchina, Pomorskoye consent and Popovshchina predominated.

Keywords: Old Belief, Old Believers, Tomsk province, state-confessional policy, elders, bezpopovtsy, popovtsy, consent

---

For citation:

Dashkovskiy P.K., Ilyin V.N. Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19th — beginning of the 20th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire. *Nations and religion of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 240–258 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–12.

Dashkovskiy Peter Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies at Altai State University, Barnaul (Russia), Professor of the Department of World History, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Ilyin Vsevolod Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Barnaul (Russia), Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** vse-ilin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0685-574>

Введение

Церковный раскол, произошедший в середине XVII в., имел гораздо более глубокие и серьезные последствия, чем могли себе представить современники той эпохи. Он разделил не только русскую церковь, но и общество, государство, культуру и саму историю. Административно-силовые методы решения «старообрядческого вопроса» в первые два столетия не дали для имперской власти положительного результата. Стало очевидным, что для «борьбы с расколом» необходимы иные методы и подходы. Возникла острая потребность в знаниях «о сути самого раскола и его численности». Петр Семенович Смирнов, известный российский историк и богослов XIX в., в своей речи на магистерском коллоквиуме 20 декабря 1898 г. перед защитой диссертации «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке» отметил, что «научной разработкой истории раскола стали заниматься сравнительно недавно... Причиной, все более и более возрастающего интереса к приобретению сведений о расколе, добытых наукой, следует видеть, бесспорно, в том, что раскол и доселе не отжил своего века, что он представляет собой явление живое, имеющее современное значение» [Смирнов, 1899: 155].

Уже к началу XIX в., когда история старообрядчества насчитывала полтора столетия, множественность и многообразие возникших к этому времени старообрядческих направлений вызвали острую необходимость их систематизации. Первая классификация всего «раскола» была осуществлена Министерством внутренних дел во второй половине царствования Николая I. Основана она была на донесениях чиновников особых поручений, направленных в губернии для изучения «раскола» на местах. Важно отметить, что само многообразие старообрядческих толков и согласий явилось следствием в первую очередь мер ограничения и преследования со стороны официальных светских и церковных властей. Сама же первая классификация «раскольников» также необходима была для разработки более эффективной концепции борьбы с «расколом» [Бежан, 2007: 87]. Практически до конца XIX в. отсутствовала стройная и объективная классификация томского старообрядчества — и губернские чиновники, и епархиальное духовенство при перечислении толков перечисляли в одном ряду молокан, поморцев, беспоповцев и др. При проведении переписи населения 1897 г. принадлежность к конкретному толку записывалась со слов самих старообрядцев [Иванов, 1997: 91].

Еще более сложным являлся вопрос о численности последователей «раскола». Официальные светские и церковные власти признавали, что имеющиеся данные далеки от действительных, как в целом по всей империи, так и по каждой отдельной губернии. По их мнению, статистика «раскола» всегда составляла самую слабую сторону в деле его изучения. Причина, по их мнению, состояла во многом в «скрытности самих последователей раскола, которые до самой смерти иногда не обнаруживали своей принадлежности к расколу» [Обзор деятельности ведомства православного исповедания, 1901: 238–239].

Важно отметить, что и сегодня проблемы численного состава и классификации староверов по согласиям и толкам, как в рамках всей империи, так и по отдельным губерниям с научной позиции не раскрыты до конца.

Вопрос о численном составе и классификации старообрядцев Томской губернии и Западной Сибири в целом стал активно изучаться в 80-е гг. XIX в. с введением в То-

больской и Томской духовных семинариях кафедр по истории и обличению русского раскола и местных сект. В данном случае стоит отметить труды Д. Н. Беликова и И. Новикова [Первый Епархиальный Миссионерский съезд в г. Томске, 1900; Беликов, 1901]. Несмотря на конфессиональную тенденциозность, их труды содержат важный и богатый исследовательский материал.

Среди современных исследователей численного состава старообрядчества, а также характеристики его толков и согласий обозначенного периода, стоит выделить таких исследователей, как Е. М. Бежан, К. Ю. Иванов, В. А. Должиков, Г. Н. Храпков, Н. А. Старухин [Бежан, 2007: 87–95; Иванов, 1997: 91–94; Иванов, 2001; Гостюшева, Должиков, 2019: 12–19; Храпков, 2017: 146–151; Старухин, 2006: 113–118; 1999: 93–103; 2012].

Как дореволюционные, так и современные исследователи старообрядчества Томской губернии при изучении его численности сталкиваются с двумя основными проблемами — несовершенством системы учета и отсутствия надежных критериев для определения принадлежности к религиозным толкам и согласиям. Важно также отметить, что существовало большое количество так называемых тайных староверов среди как единоверцев, так и числившихся представителями официального православия. Поэтому дореволюционные исследователи, как правило, опираются на официальную статистику. Современный исследователь старообрядчества Западной Сибири К. Ю. Иванов отмечает, что на данный момент в истории старообрядчества до сих пор остаются неизученными определённые аспекты, один из которых — это демографические процессы старообрядчества, в том числе и его численный состав [Иванов, 2009: 74]. Кроме того, исследователь вынужден констатировать, что при выяснении вопроса о классификации старообрядчества ему пришлось столкнуться с проблемой как общероссийского, так и местного характера — отсутствие единого устойчивого понятийного аппарата не только среди дореволюционных, но и современных исследователей [Иванов, 2001: 20]. Другой исследователь, О. П. Ершова, отмечала, что статистический вопрос является одним из самых сложных вопросов в истории старообрядчества. Это чрезвычайно важно при оценке характера и направленности вероисповедной политики. Вместе с тем она подчеркнула, что «при том состоянии статистики, которое существовало в России, она должна быть предметом для специального исследования» [Ершова, 1999: 72].

Таким образом вопрос о численном составе и классификации старообрядцев дореволюционного периода, как в целом в пределах Российской империи, так и его отдельных губерний, в том числе в Томской губернии, до настоящего времени является мало изученным, соответственно, важным, чем и обусловлена актуальность данной статьи. Цель данной статьи — провести анализ численного состава и географии расселения старообрядчества Западной Сибири, дать характеристику его основных толков и согласий в последней четверти XIX — начале XX в. Достижение поставленной цели важно для дальнейшего изучения старообрядчества в контексте государственно-конфессиональной политики имперской власти, так как политика государственных властей и Русской православной церкви была дифференцирована по отношению к согласиям и отдельным толкам. К примеру, одним из радикальных толков старообрядчества считалось бегунство. Кроме того, нужно отметить, что многие старообрядческие центры

и населенные пункты возникли в результате добровольной и принудительной миграции, как следствие «противораскольнической» политики имперских властей (к примеру, «поляки», «кержаки», «каменщики»).

Основными источниками данного исследования послужили отчеты Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского, представленные в Томских Епархиальных Ведомостях, приложения ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора, представленные в Обзорах Томской губернии, а также архивные документы Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области.

Численный состав старообрядцев Томской губернии

По официальным данным томских губернских властей, «раскол» в Томской епархии появился здесь почти одновременно с образованием селений и городов. Старообрядцы самовольно бежали сюда из Европейской России, также в период правления Екатерины II на территории Бийского и Барнаульского округов были переселены так называемые *ветковцы*. По данным Томских епархиальных властей, «нет ни одной деревни, населенной исключительно природными сибиряками, в которой не нашлось бы приверженцев мнимой старины; даже не редкость встретить в одном доме несколько различных вер, например, муж беспоповец, жена единоверка, брат мужа беглопоповской секты, другой спасова согласия или австрийской лжеерархии» [Обзор Томской губернии за 1892 г., 1893: 36].

По официальным данным, в 1885 г. «раскольников» в пределах Томской епархии числилось 27673 чел. [Обзор Томской губернии за 1885 г., 1886: 9]. В 1892 году в числится уже 58995 чел. [Обзор Томской губернии за 1892 г., 1893: 37]. Однако сами светские и церковные власти были вынуждены признать, что данные цифры далеки от реальных. Одной из причин сложности установления более точной численности староверов состояла в том, что «последователи раскола живут скрытно». Об этом писало и официальное губернское издание: «Общее число раскольников, расселенных по всем округам с точностью определить нельзя, т. к. многие из них живут в лесах, ущельях гор, и вообще малодоступных местах» [Обзор Томской губернии за 1891 г., 1892: 39].

Важно отметить, что сведения Томского Епархиального противораскольнического Братства Св. Димитрия Митрополита Ростовского существенно отличались от официальных: в 1888 г. «раскольников» Совет братства насчитывает более 80.000. Данные по округам представлены следующим образом: по Барнаульскому — 40000, Бийскому — 35000, Каинскому — 2775, Томскому — 1415, Мариинскому — 1227, Кузнецкому — 652 [Беликов, 1901: 6]. Исследователь томского старообрядчества XIX в. Д. Н. Беликов выделяет основные «центры раскола»:

- по Барнаульскому округу: на левой стороне Оби вся Кулундинская степь, в правой стороне от Оби волости Косихинская, Белоярская, Тальменская, Боровлянская, Чумышская и Верх-Чумышская, «с главными гнездами раскола по Кулунде в с. Тюменцевском, дер. Ключах. Ермачихе и Жарковой, Шипициной, Безпаловой»;
- по Бийскому округу такие поселения, как Выдриха, Секировка, Быструха, Мало-Убинская, Сибирячиха, Топольная, Солоновка на р. Пещаной, Айское, Тавда, Платова и др., а также Бухтарминский край, основанный «каменщиками»;

— Тарминская и Косминская волости Кузнецкого округа.

«Среди многих Кузнецких раскольнических селений и деревень по степени самой лютой раскольнической настроенности дер. Желтоногина занимает особое выдающееся место» — отмечает исследователь. Что касается Томского округа, то по его данным, «раскольники приютились здесь на отдельных заимках, обильно раскинувшихся к северо-востоку от г. Томска в так называемой Томско-Чулымской тайге» [Беликов, 1901: 15–16].

В 1898 г. братством было отмечено, что общее количество «раскольников» в епархии насчитывается уже до 93698 чел. Из округов по численности «раскольников» лидирует Барнаульский, за ним следуют Бийский и Змейногорский. Советом братства были также выделены и приходы «особенно обильные раскольниками»:

- 1) в округе Барнаульском: Ребрихинский с 3060 раскольниками; Старобутырский — 2055, Тюменцевский — 1733, Сорокинский — 1672, и Боровский — 1171;
- 2) в Бийском: Айский — 2462, Катандинский — 2311, Куюганский — 1274, Сычевский — 1380;
- 3) в Змейногорском: Секисовский единоверческий — 7301, Верх-Убинский — 2588, Кабановский — 1960 [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 19–20].

Основная причина разницы между данными официальной статистики и братства состояла в том, что официальная статистика учитывала только так называемых раскольников от рождения, т. е. официальных, и не учитывала так называемых тайных или уклонившихся из православия в раскол. Поэтому члены Братства непосредственно входили в сношения с приходами через благочинных, прося их предоставить более точные сведения о числе «раскольников», учитывая не только «явных», но и тех, кто числится официально православным, но на деле таковым не являлся, а в официальном православии числились лишь формально [Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 г., 1887: 3–7].

О. благочинный № 31 в своем отношении от 10 января 1889 г. пишет: «...с точностью определить число уклонившихся в раскол — невозможно. В приходе, где уклонившихся в раскол значительная часть, — истинно-православных нет, так как духом раскола проникнуты и те, которые принимают таинства св. церкви, а потому считаются и пишутся православными. Разность между православными и раскольниками в раскольнических приходах состоит только в степени приверженности к расколу и в степени обнаружения раскола; заблуждения же раскольнические, их взгляды, их обряды разделяются и православными; все они молятся двуперстием, уважают только медные иконы, любят ходить по Озолонь, двоить алилуей» [Отчет братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887–8 четвертый отчетный год, 1889: 21].

Довольно много «тайных» старообрядцев было выявлено светскими и церковными властями (многие старообрядцы, официально числившиеся представителями официальной Церкви, сами открыто заявили о себе) после издания законов о метрической записи старообрядческих браков от 19 апреля 1874 г. и «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» от 3 мая 1883 г. [Ильин, 2018: 117]. Фонды Государственного архива Томской области (ГАТО) содержат множе-

ство документов по данному поводу (в том числе прошений от старообрядцев о внесении их и своих детей в особые метрические книги) [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2517; 2550; 2568; 2643; 2652; 2655; 2700; 2702; 2722; 2757; 2758; 2759; 2785; 2825; 2826; 2832; 2833; 2854; 2892; 2900; 2915; 2936; 2940; 2955; 2956; 2972; 2975; 2976; 2980; 2981; 2990; 2994; 3005; 3006; 3008; 3019; 3025; 3028; 3046; 3059; 3107; 3118; 3257]. Примером служат сведения о состоянии прихода Меретской Свято-Троицкой церкви благочиния № 19 за 1885 г.: «По церковным документам в приходе сей церкви раскольников не считается, кроме ниже поименных прихожан из д. Старо-Обинцевой, Инской и Верхне-Сузунской, прежде состояли в православии и принимали от православной Церкви таинства: крещение, бракосочетание, а с некоторого времени стали себя считать раскольниками, в церкви не ходят, детей не крестят, умерших хоронят сами без напутствования и отпетия священника, и считают себя сектантами поморской секты, свечами и иконами церковными пренебрегают и в общей молитве с православными не участвуют, молебнов не служат, усопших в церкви не поминают... На обличие священника отвечают дерзко и с насмешкой, говоря, мы веруем так, как веровали до Никона, и более ничего знать не хотим и никаких Ваших увещаний слушать не хотим» [ГААК. Ф. 166 Оп. 1 Д. 1 Л. 308]. О данном явлении, имевшем массовый характер в пределах Томской губернии, писали Томские Епархивальные ведомости: «Издавна находилось немало лиц, сочувствующих Расколу, но до 1883 года они мало заявляли о себе, большей частью входили в состав православных приходов, принимали некоторые церковные таинства и не позволяли себе открыто пропагандировать свои лжеучение. Но с 1883 года, когда раскольником дарованы некоторые права, в среде их началось весьма заметное движение, обнаружилось стремление выделиться из православных приходов [,] чтобы жить самостоятельной жизнью [,] как [,] например [,] жители деревни Петропавловской, которые обратился к местной власти с просьбой об отделении их от православной церкви, с такой же просьбой обратились и крестьяне деревни Малая Башалака на имя обер-прокурора святейшего Синода по дозволению им состоять в расколе. Хотя большая часть просителей принимали таинства, а некоторые даже в 1886 году вступили в брак с благословения Святой церкви» [Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 год, 1887: 3–7]. Наглядным документом по данному аспекту является «Ведомость о числе раскольников и уклонившихся в раскол из Православия и Единоверия, проживающих в приходах 15 церквей благочиния № 18 от 1887 г.», в которой указано 9434 «раскольников, кои считаются Православными, но на самом деле истинные раскольники» [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2892. Л. 104–105].

В своем вступительном слове перед открытием в Томске миссионерского епархиального съезда 9 августа 1898 г. преосвященный Макарий, епископ Томский и Барнаульский заявил: «Когда пришло время выделить православную паству и подвести счет раскольников, то число сих последних оказалось чрезмерно великим. Те, которые прежде считались православными, оказались издавна тайно принадлежащими к расколу, или уклоняющимися в раскол. В некоторых местах почти все православные сибиряки и донныне более или менее заражены духом раскола» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 7].

Таким образом, многие староверы проживали тайно в малодоступных для представителей официальной церкви губернских властей местах, кроме того, многие из староверов официально числились прихожанами православной (никонианской) церкви, из-за чего учет численности старообрядцев был затруднен. Томские Епархиальные Ведомости пишут по этому поводу: «При всём старании сотрудников Братства некоторые укромные и потаенные уголки раскольнического мира ускользнули от их наблюдения, а таковыми углами Томская епархия не бедна. Тайные поселения раскольников нередки и сегодня в Томской епархии, которые нигде в книгах не записаны. Не проходит и года [,] чтобы сколько-нибудь таких поселений не было открыто в Томской епархии и теперь в Томской, Мариинской, Колыванской или Кузнецкой тайге или где-нибудь в ущельях Алтайских гор» [Состояние раскола в Томской епархии и летопись происшедших в нем событий в 1894–95 году, 1896: 5].

Важно отметить, что количество староверов в пределах Томской губернии существенно увеличивалось за счет переселенческого процесса. Исследователь томского старообрядчества Д. Н. Беликов пишет: «Усиленное переселенческое движение в Сибирь началось с конца 1880-х годов. Но почти ежегодно тысячами переселенцы оседали в Томской губернии и ранее, и в этих тысячах всегда можно было насчитать если не сотни, то многие десятки семей, принадлежавших расколу... Покинувшие родину вследствие экономических затруднений, раскольники-переселенцы селились и не перестают селиться по всем округам губернии» [Беликов, 1901: 10].

Основной поток переселенцев шел из Рязанской, Тамбовской, Тобольской, Пермской, Воронежской, Вятской и других губерний. Переселенцы-староверы старались селиться в малодоступных отдаленных местах. Их манила плодородная земля и в определенной степени удаленность от властей. Еще с 40-х гг. XIX в. в Уймонский край активно стали прибывать переселенцы из европейской части России, преимущественно из Вятской губернии, среди которых было много староверов. Активно переселялись староверы в Змеиногорский округ. Избегая соседства с православными-никонианами, они селились рядом со своими единоверцами-староверами, а также осваивали новые земли и основывали новые поселки. Также активно заселялась и Кулундинская степь. В отчете Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 г. указано: «Ряды старообрядцев особенно пополняются вновь приехавшими из России новоселами. Кулунда сплошь населена раскольниками, — а новоселы приезжают туда ежегодно целыми тысячами и все народ бедный. Нужда заставляет их жить, или поденщиной, или в работниках у старожилов-раскольников. Доколе вновь прибывший не изменит православию, не станет креститься двуперстно, — до тех пор хозяин не посадит его с собой за стол» [Отчет Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 год, 1892: 20]. Томские Епархиальные Ведомости писали по этому поводу: «С каждым годом с переселенцами к нам едут целые сотни, даже тысячи раскольников, селятся в удобных для них захолустьях, вдали от духовной и гражданской власти. Раскол растет, крепнет, грозит превращением сотням невежественной массы» [К вопросу о борьбе с расколом старообрядчества, 1896: 28].

Основные согласия и толки старообрядцев Томской губернии

В своем содержании представители старообрядчества Томской губернии принципиально не различались, согласия и толки здесь были те же, что и в Центральной России.

Поповцы. Распределились по всей губернии, с особою плотностью были представлены в селениях польских выходцев («поляки»). Среди поповцев преобладали старообрядцы, приемлющие священство белокрыницкой иерархии (австрийцы). Д. Н. Беликов отмечает: «В прежнее время поповщина существовала только в виде беглопоповщины, но с конца 1850-х годов в Томской губернии появляется согласие австрийского священства, которое развиваясь постепенно, захватывает в себе беглопоповщину все более и более» [Беликов, 1901: 17]. Австрийская иерархия возникла в 1846 г., когда основная часть беглопоповцев признала законность перехода в старообрядчество митрополита Босно-Сараевского Амвросия и поставленных им преемников. Местом его жительства было селение Белая Крыница, находившееся тогда на территории Австрийской империи. Соответственно, данную иерархию стали называть Австрийская или Белокрыницкая. В 1862 г. согласие раскололось на две неравные части по отношению к «Окружному посланию» — «окружников» и «противоокружников». Принципиальным являлось то, что «окружники» признавали некоторые нововведения Никона и осуждали только преследования старообрядцев. «Окружников» на территории Томской губернии было большинство, противоокружники делились на «иовцев» и «раздорствующих».

Безпоповство. На территории Томской губернии численно лидировали безпоповцы. Среди безпоповцев выделялись:

- 1) поморцы (с внутренним делением на законобрачных поморцев, полубрачных даниловцев, небрачных федосеевцев и филиповцев);
- 2) истинно православные христиане странствующие;
- 3) спасовцы (нетовщина глухая и нетовщина поющая). Близкими к Спасову согласию являлись самокрещенцы и «рябиновцы».

Характеризуя поморцев, миссионеры отмечали их крайне «враждебное» отношение к Русской православной церкви. «Федосеевцы и филиповцы при том наиболее фанатичны и враждебны по отношению к Русской православной церкви, даниловцы же значительно мягче» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 25, 28].

Большая часть поморцев на территории Томской губернии принадлежали именно к законобрачному согласию. Его основными центрами были д. Гилева и с. Верх-Убинское Змеиногорского округа, Солоновка Бийского округа и Ворониха Барнаульского округа. Как отмечали миссионеры, последователи Поморского законобрачного согласия, по сравнению с другими безпоповцами, были как бы «передовыми». В них более всего отмечалось стремление к грамотности и просвещению, у них было немало своих школ, богатых библиотек, их наставники заметно выделялись по своему развитию и начитанности [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 27]. Приходящих из Русской православной церкви и других христианских толков поморцы обязательно перекрещивали.

От законобрачного поморского согласия Томское епархиальное Братство отличало так называемое старопоморство в виде федосеевщины, филиповщины и даниловщины [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 28].

Федосеевцы и филиповцы отличались от законобрачного поморства по вопросам о браке и молитве за царя, даниловцы — только по вопросам о браке. Федосеев-

цы решительно отвергали брак, который, по их мнению, может быть заключен только священником, а так как истинного священства в «настоящее антихристовое время» нет, то не может быть и брака. За царя федосеевцы не молились. Как отмечали миссионеры, «филиповцы живут в высшей степени замкнуто, строго блюдут свой старинный уклад жизни, и с такой же строгостью относятся к внешним, за что и получили прозвище «крепких Христиан». Их отличительной чертой было то, что они ни в каком случае не позволяют себе молиться иконам, изготовленным не их согласниками. Филиповцы существовали в Каинском округе и в Чумышской волости Барнаульского округа [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 31]. Даниловцев, по мнению миссионеров, в последнее время «начинает тянуть к законобратному Поморскому согласию».

По убеждению томских епархиальных властей, истинно православные христиане странствующие (странничество или бегунство) есть «секта вообще малораспространенная, но по своим воззрениям крайне вредная, обосновалась в Томской епархии прочно. Странники живут отдельными скитами в малодоступных горах, в болотистой или лесистой тайге — вдалеке от православных поселений. Центром странничества является Чулымская тайга (Томский и Мариинский округа). Существуют скиты и в Алтайских горах» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 32]. Как отмечают исследователи XIX в., «Бегунство по его принципу — самый строгий аскетизм. Все странники по идее — иноки. Уставы их необыкновенно строги» [Смирнов, 1895: 118].

Основная часть спасовцев в Томской губернии принадлежала к нетовщине глухой, меньшая часть — к нетовщине поющей. В 1860-е гг. появились самокресты (самокрещенцы), выделившиеся из Спасова согласия. По данным Томского противораскольнического Братства «Нетовщина в Томской епархии насчитывает не одну тысячу своих последователей. Нетовцы проживают в Барнаульском, Кузнецком и Бийском округах» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 44]. Другим ответвлением нетовцев — самокрещенцев были восточники и рябиновцы. Соседи называли их дырниками, оконопоклонниками или небесниками. По мнению восточников, неиспорченных икон не осталось, а новые писать и освятить некому, поэтому они молились на восток (на солнце), в хорошую погоду — на открытом воздухе, а в ненастье — через отверстие, прорубленное в восточной стене дома.

Стариковщина. По утверждению Д. Н. Беликова, стариковщина представляет собой нечто среднее между поповщиной и безпоповщиной. Так как представители стариковщины обходились без священства, довольствуясь требоисправителями из стариков и старух, то они подходят к безпоповству. Однако Д. Н. Беликов отмечает, что «последователи ее не восстают против священства или, по крайней мере, в принципе ничего не имеют против него, привыкнув обращаться к старикам только нужды ради, мы должны отнести этот вид старообрядчества к толкам поповщинского характера. Можно с положительностью утверждать, что стариковщина возникла и развилась из беглопоповщины вследствие затруднительного положения при относительной редкости беглых попов, а в Сибири иной раз и полного их отсутствия» [Беликов, 1901: 17].

Весьма близко к стариковщине подходит согласие часовенных. Стариковцы не считали для себя особенно тяжким грехом в необходимых случаях обращаться за таинствами и погребением к официальной православной церкви, — часовенные относились к этому делу гораздо строже и потому прибегали к священникам РПЦ очень редко. Стариковцы, избирая из своей среды наставников, вводили их в круг обязанностей безо всякого поставления, часовенные требовали, чтобы избранный в наставники был поставлен на его настоятельское дело через благословение от других наставников, в свою очередь преемственно получивших благословение от Иргиза, Рогожского кладбища или от екатеринбургских иноков. Местом наибольшей сплоченности стариковщины в пределах Томской губернии была Кулундинская степь.

Если судить о количестве староверов в Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в., то здесь преобладали представители стариковщины, поморского согласия и поповщины.

Заключение

Томская губерния являлась одной из старообрядческих территориальных центров в количественном и качественном смысле. Епархиальному противораскольническому Братству Св. Димитрия Митрополита Ростовского удалось установить примерное число староверов, равное более 90 тысяч человек, что существенно превышало число староверов по официальным данным. Основная причина разницы между данными официальной статистики и Братства состояла в том, что официальная статистика учитывала только так называемых «раскольников от рождения», т. е. официальных и не учитывала так называемых тайных или «уклонившихся из православия в раскол». Важно также учитывать, что многие староверы проживали тайно в малодоступных для представителей официальной церкви и губернских властей на местах.

По численности «раскольников» лидирует Барнаульский округ, за ним следуют Бийский и Змеиногорский. Вместе с тем количество староверов в пределах Томской губернии существенно увеличивалось в результате переселенческого процесса. Переселенцев манила плодородная земля и в определенной степени удаленность от властей.

Старообрядчество Томской губернии принципиально не отличалось согласиями староверов Центральной России, согласия и толки здесь были те же самые. С точки зрения численности, в Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. преобладали представители стариковщины, поморского согласия и поповщины.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23–18–00117).

Acknowledgements and funding

The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant «The Influence of the Imperial Acculturation Policy and the Soviet Model of State-Confessional Relations on the Situation of Religious Communities in Border Regions and National Autonomies of the Asian Part of Russia» (project No. 23–18–00117).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бежан Е. М. Классификация старообрядческих согласий и сектантских общин, их развитие и распространение на территории Западной Сибири в первой половине XIX в. // Вестник Омского университета. 2007. № 3. С. 87–95.

Беликов Д. Н. Томский раскол: (исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). Томск, 1901. 246 с.

Гостюшева Е. М., Должиков В. А. Конфессиональный состав населения Томской губернии по данным Первой всероссийской переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 12–19.

Государственный архив Алтайского края. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2517.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2550.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2568.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2643.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2652.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2655.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2700.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2702.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2722.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2757.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2758.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2759.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2785.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2825.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2826.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2832.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2833.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2854.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2892.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2900.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2915.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2936.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2940.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2955.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2956.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2972.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2975.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2976.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2980.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2981.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2990.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2994.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3005.

- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3006.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3008.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3019.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3025.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3028.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3046.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3059.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3107.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3118.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3257.
- Ершова О. П. Старообрядчество и власть. М. : Уникум-Центр, 1999. 202 с.
- Иванов К. Ю. Соглашения и толки томского старообрядчества (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исторические судьбы православия в Сибири: тезисы докладов и научных сообщений конференции. Иркутск, 1997. С. 91–94.
- Иванов К. Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. 30 с.
- Иванов К. Ю. Старообрядчество Змеиногорского уезда Томской губернии (XVIII — начало XX в.) // Наука и образование. Белово : Беловский полиграфист, 2009. Ч. 1. С. 75–76.
- Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 год // Томские Епархиальные Ведомости. 1887. № 6. Отдел неофициальный. С. 1–23.
- Ильин В. Н. Старообрядческие браки в контексте государственно- конфессиональной политики Российской империи на территории Томской губернии в XIX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 2. С. 112–118.
- К вопросу о борьбе с расколом старообрядчества // Томские Епархиальные Ведомости. 1896. № 5. Отдел неофициальный. С. 23–31.
- Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Императора Александра III. СПб., 1901. 727 с.
- Обзор Томской губернии за 1885 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1886. 48 с.
- Обзор Томской губернии за 1891 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1892. 69 с.
- Обзор Томской губернии за 1892 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1893. 66 с.
- Отчет братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887–8 четвертый отчетный год // Томские Епархиальные Ведомости. 1889. № 3. Отдел неофициальный. С. 1–25.
- Отчет Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 год. // Томские Епархиальные Ведомости. 1892. № 3. Отдел неофициальный. С. 14–25.
- Первый Епархиальный миссионерский съезд в г. Томске 10–27 августа 1898 года. Томск, 1900. 332 с.

Смирнов П. С. Важность изучения внутренней жизни раскола: речь на магистерском коллоквиуме 20-го декабря перед защитой диссертации «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке». СПб., 1898 // Христианское чтение. 1899. № 1. С. 155–165.

Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895. 276 с.

Состояние раскола в Томской епархии и летопись происшедших в нем событий в 1894–95 году // Томские Епархиальные Ведомости. 1896. № 1. Отдел неофициальный. С. 5–13.

Старухин Н. А. Белокрыницкие общины Томской губернии: проблемы церковной организации и управления (вторая половина XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 113–118.

Старухин Н. А. Белокрыницкое согласие на Алтае: Барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999. С. 93–103.

Старухин Н. А. Белокрыницкое согласие Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (этапы формирования и принципы организации) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.

Храпков Г. Н. Сущность раскола (старообрядчества) в трудах и очерках священнослужителей и светских деятелей второй половины XIX–XX веков // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 146–151.

REFERENCES

Belikov D. N. *Tomskii raskol: (istoricheskii ocherk s 1834 po 1880-ye gody)* [Tomsk split: (historical essay from 1834 to 1880s)]. Tomsk, 1901, 246 p. (in Russian).

Bezhan E. M. Klassifikatsiya staroobryadcheskikh soglasii i sektantskikh obshchin, ikh razvitie i rasprostranenie na territorii Zapadnoi sibirii v pervoi polovine XIX v. [Classification of Old Believer agreements and sectarian communities, their development and distribution on the territory of Western Siberia in the first half of the 19th century]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2007, no. 3, pp. 87–95 (in Russian).

Gostyusheva E. M., Dolzhikov V. A. Konfessionalnii sostav naseleniya Tomskoi gubernii po dannym pervoi vs Rossiiskoi perepisi 1897g. [Confessional composition of the population of Tomsk province according to the first all-Russian census of 1897]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2019, no. 59, pp. 12–19 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK) [State archive of the Altai territory]. Fund 166. Inventory 1. File 1 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2517 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2550 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2568 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2643 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2652 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2655 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2700 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2702 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2722 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2757 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2758 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2785 (in Russian).

v Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2825 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2826 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2832 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2833 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2854 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2892 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2900 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2915 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2936 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2940 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2955 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2956 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2972 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2975 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2976 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2980 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2981 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2990 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2994 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3005 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3006 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3008 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3019 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3025 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3028 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3046 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3059 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3107 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3118 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3257 (in Russian).

Ershova O.P. *Staroobryadchestvo i vlast'* [Old Believers and Power]. Moscow: Unikum-Tsentr, 1999, 202 p. (in Russian).

Il'in V.N. Staroobryadcheskie braki v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossijskoi imperii na territorii Tomskoi gubernii v XIX v. [Old Believer marriages in the context of the state-confessional policy of the Russian Empire on the territory of the Tomsk province in the 19th century]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018, no. 2, pp. 112–118 (in Russian).

Ivanov K.Yu. Soglasiya i tolki tomского staroobryadchestva (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) [Consent and talk of the Tomsk Old Believers (the second half of the 19th —

early 20th centuries)]. *Istoricheskie sud'by pravoslaviya v Sibiri: Tezisy dokladov i nauchnykh soobshchenii konferentsii* [Historical fate of Orthodoxy in Siberia: Abstracts of reports and scientific reports of the conference]. Irkutsk, 1997, pp. 91–94 (in Russian).

Ivanov K. Yu. *Staroobryadchestvo yuga Zapadnoi Sibiri vtoroi polovini XIX — nachala XX v. Avtoref. Diss. Kand. Ist. nauk.* [Old Believers in the South of Western Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century. PhD Thesis in History]. Kemerovo, 2001, 30 p. (in Russian).

Ivanov K. Yu. *Staroobryadchestvo Zmeinogorskogo uezda Tomskoi gubernii (XVIII — nachalo KhKh v)* [Old Believers in the Zmeinogorsk District of Tomsk Province (18th — Early 20th Century)]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education], Belovo: OOO “Belovskii poligrafist”, 2009, vol. 1, pp. 75–76 (in Russian).

Izвлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскол'нического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 год. [Extract from the report on the status and activities of the Tomsk anti-schismatic Brotherhood in the name of St. Demetrius Metropolitan of Rostov for 1885–6.] *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. Otdel neofitsial'nyj [The department is informal]. 1887, no. 6, pp. 1–23 (in Russian).

К вопросу о бор'бе с расколом старообryadchestva [To the question of the fight against the split of the Old Believers]. *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1896, no. 5, otdel neofitsial'nyi, pp. 23–31 (in Russian).

Khrapkov G. N. Sushchnost' raskola (staroobryadchestva) v trudakh i ocherkakh svyashchennosluzhitelei i svetskikh deyatelei vtoroi polovini XIX - XX vekov [The essence of the schism (Old Believers) in the works and essays of clergy and secular figures of the second half of the 19th - 20th centuries]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management consulting]. 2017, no. 3, pp. 146–151 (in Russian).

Obzor deyatel'nosti vedomstva pravoslavnogo ispovedaniya za vremya tsarstvovaniya Imperatora Aleksandra III [Overview of the activities of the department of the Orthodox confession during the reign of Emperor Alexander III]. St. Peterburg, 1901, 727 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1885 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1885. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1886, 48 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1891 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1891. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1892, 69 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1892 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1892. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1893, 66 p. (in Russian).

Otchet bratstva Svyatitelya Dimitriya, Mitropolita Rostovskogo v g. Biiske za 1887–8 chetvertyi otchetnyj god [Report of the brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov in the city of Biysk for 1887–8, the fourth reporting year]. *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1889, no. 3, otdel neofitsial'nyi, pp. 1–25 (in Russian).

Otchet Bratstva Svyatitelya Dimitriya, Mitropolita Rostovskogo za 1890–91 god. [Report of the Brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov for 1890–91]. *Tomskie*

Eparhial'nye Vedomosti [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1892, no. 3, otdel neofitsial'nyi, pp. 14–25 (in Russian).

Pervyi Eparhial'nyi missionerskii s'ezd v g. Tomske [The First Diocesan Missionary Congress in Tomsk]. Tomsk, 1900, 332 p. (in Russian).

Smirnov P.S. *Istoriya russkogo raskola staroobryadchestva* [The history of the Russian split of the Old Believers]. St. Peterburg, 1895, 276 p. (in Russian).

Smirnov P.S. *Vazhnost' izucheniya vnutrennei zhizni raskola: rech' na magisterskom kollokviume 20-go dekabrya pered zashchitoy dissertatsii "Vnutrennie voprosy v raskole v XVII veke"*. SPb., 1898 [The importance of studying the inner life of the schism: speech at the master's colloquium on December 20th before the defense of the dissertation "Internal questions in the schism in the 17th century"]. *Hristianskoe chtenie* [Christian reading]. 1899, no. 1, pp. 155–165 (in Russian).

Sostoyanie raskola v Tomskoi eparhii i letopis' proisshedshikh v nem sobytii v 1894–95godu [The state of the split in the Tomsk diocese and the chronicle of the events that took place in it in 1894–95.]. *Tomskie Eparhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1896, no. 1, otdel neofitsial'nyi, pp. 5–13 (in Russian).

Starukhin N.A. *Belokrinit'skie obshchiny Tomskoi gubernii: problemi tserkovnoi organizatsii i upravleniya (vtoraya polovina XIX veka)* [Belokrinit'sky Communities of Tomsk Province: Problems of Church Organization and Management (Second Half of the 19th Century)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. 2006, vol. 5, iss. 1, pp. 113–118 (in Russian).

Starukhin N.A. *Belokrinit'skoe soglasie na Altae: Barnaul'skaya Krestovozdvizhenskaya tserkov* [Belokrinit'skoye consent in Altai: Barnaul Holy Cross Church]. *Staroobryadchestvo: istoriya i kultura* [Old Believers: history and culture]. Barnaul, 1999, pp. 93–103 (in Russian).

Starukhin N.A. *Belokrinit'skoe soglasie Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (etapi formirovaniya i printsipi organizatsii)*. *Avtoref. Diss. Kand. Ist. nauk* [Belokrinit'skoye consent of Tomsk province in the second half of the 19th — early 20th centuries (stages of formation and principles of organization)]. PhD Thesis in History. Novosibirsk, 2012, 24 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 16.03.2025

Принята к публикации: 02.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025